

Это был почерк господина Цзяна. Ли Цюань мало смыслил в каллиграфии, и порой эти росчерки казались ему какими-то бесовскими знаками. Позже генерал немного подучил его, и парень понял: почерк — это отражение человека, и у каждого он свой.

У генерала штрихи были прямыми и четкими: что горизонталь, что вертикаль — всё выверено, изящно и тонко. Каждая черточка — словно вбитая свая, надежная и неколебимая, будто сам почерк боялся даже случайно свернуть с прямого пути.

Стиль же господина Цзяна, напротив, казался мягким и бессильным, линии сплетались и вились, точно женское шитьё — узнать его не составило бы труда.

Ли Цюань не стал глупо вопрошать, что значит этот единственный иероглиф — «Смерть».

Не стал спрашивать и о том, как этот клочок бумаги оказался в его ножнах.

И уж тем более он не собирался уточнять самое важное: когда убивать? Как? И... кого именно?..

Ли Цюань несколько раз судорожно сглотнул, пока бумажный комочек окончательно не провалился в желудок, и лишь тогда медленно поднялся. Ноги подвели — он тут же мешком рухнул обратно, долго барахтался в пыли, но так и не смог встать.

Онемело сидя у края шатра, Ли Цюань чувствовал лишь пустоту в голове. Его пальцы, сжимавшие «Тяньлан-гун», мелко дрожали. Изогнутый, подобно луне, корпус лука ткнулся в землю, собирая грязь.

Когда дрожь наконец унялась, он прижал лук к груди, кутая его в полы одежды, и вдруг коснулся лица — оно было мокрым.

Ли Цюань понимал: господин Цзян решил нанести удар. Раньше он был лишь тайным агентом, «темной фигурой» на доске, но со смертью Бай Фэна ему пришлось выйти на свет. Теперь он обязан делать то, что должно. Такова уж его доля...

«Плачь», — нелепый приказ генерала всё еще эхом отзывался в сознании. Голос, холодный и чистый, неожиданно тепло обжег глаза Ли Цюаня.

«Убить», — иероглиф господина Цзяна, мягкий и тягучий, веял ледяной стужей, от которой эта влага замерзала, причиняя острую боль.

Оказавшись меж двух огней — льдом и пламенем — Ли Цюань больше не мог сдерживаться. Слезы хлынули потоком, превращая пыльное лицо в грязную маску.

«Ли Цюань, хочешь получить шанс совершить великий подвиг?» — вкрадчивый шепот помощника генерала Яна...

«Конечно! Будьте покойны, господин Ян, я жизнь положу, а уберегу генерала!» — собственное бахвальство...

Ли Цюань внезапно отбросил «Тяньлан-гун» в сторону, обхватил себя руками и забился в долгой, неостановимой лихорадке, стиснув зубы до хруста.

***

Той ночью братья по лагерю, стоявшие в дозоре, переговаривались: мол, Ли Цюань совсем себя не жалеет, тренируется как проклятый. «Тяньлан-гун» — оружие грозное: основа из твердого дерева, тетива свита из сухожилий гигантского питона. Обычному человеку его и не натянуть, но Ли Цюань, ведомый одним лишь упрямством, не выпускал лук из рук больше двух страж.

На ладонях вздулись кровавые борозды, алые капли срывались вниз, впитываясь в землю. Стиснув зубы, парень просто обмотал руки тряпицами и снова взялся за тетиву.

Его прервал Ян Цзо.

— Если повредишь жилы и не сможешь стрелять, всё будет прахом.

— Ха-ха, да я разве неженка какая? — Ли Цюань нацепил привычную ухмылку. — Помощник генерала Ян, я же для защиты генерала стараюсь.

А про себя подумал: «Пусть руки отсохнут, какая теперь разница?»

Ян Цзо промолчал, обдумывая что-то своё. Поняв, что спорить с упрямым малым бесполезно, он просто затолкал его в генеральский шатер — пусть Маркиз, усмиряющий дальние земли, применит силу.

И вскоре...

— О-ох... Ге-генерал...

Дозорные у входа слышали всё отчетливо: сначала жалобный возглас Ли Цюаня, затем скрип сдвинутого стола, а следом — череду глухих ударов плоти о плоть, перемежаемых стонами.

Двое молодых парней снаружи переглянулись. Кровь прилила к лицам, и им нестерпимо захотелось заткнуть уши хоть чем-нибудь, но время было беспокойное — попадись они Вэй Ю,

не миновать палок. Так и стояли бедняги, краснея от собственных буйных фантазий, пока у обоих носом не пошла кровь.

Если бы они рискнули хоть на щелочку приподнять полог, то мигом бы поняли суть происходящего.

В тот момент Фань Ло крепко прижал Ли Цюаня животом к своим коленям. Пояс парня валялся на полу, штаны были спущены до колен, обнажая две белые, округлые вершины его седалища.

А Фань Ло безжалостно обрушивал вниз широкую, покрытую мозолями ладонь, привыкшую сжимать древко «Черного Водяного Дракона». Удары сыпались один за другим — увесистые, хлесткие, словно кара за тяжкое преступление.

Когда упругая плоть налилась багрянцем и начала гореть, Ли Цюань хрипло закричал:

— Ох... а-а! Генерал! Генерал, пощадите! Я больше не вынесу!

Несчастливым снаружи впору было бежать к военному врачу Цзюньи — от потери крови голова у них кружилась не на шутку.

На самом деле Фань Ло сбавил напор, как только кожа под его рукой начала опухать. Он и сам не ожидал, что поначалу хлесткая боль сменится для парня какой-то странной, изнуряющей чесоткой. Ли Цюань извивался на его коленях, задыхаясь от невыносимого томления.

— Понял свою ошибку? — негромко спросил Фань Ло, поглаживая горячую, вздувшуюся кожу.

— Понял, понял, виноват! — парень шмыгнул носом и взмолился: — Генерал, у вас же рука небось болит? Отдохните, не бейте больше.

Чистой воды торг, как на базаре.

Ли Цюань и не задумывался, что кабы Фань Ло взялся за военную палку, генерал бы точно не утомился, а вот сам Ли Цюань еще неделю не смог бы сидеть.

Маркиз, усмиряющий дальние земли, не стал его просвещать. Он лишь продолжал машинально растирать покрасневшие бугры, а когда парень снова невольно всхлипнул, коротко бросил:

— Чтобы кровь не застаивалась.

—...

Ли Цюань, готовый взвыть от бессилия, лишь впился зубами в ворот своей одежды, а лицо его сделалось красным и сморщенным, как сочный паровой пирожок.

Глядя на него, Фань Ло ощутил, как на душе становится удивительно покойно. Этот парень на его коленях был осязаемым, настоящим — пустота в сердце наконец отступила. Его покрасневшее лицо и полные слез глаза казались... весьма приятным зрелищем.

— Ли Цюань, — позвал генерал.

Он усадил парня к себе на колени, заставив смотреть прямо в свои ясные глаза. Коснувшись перебинтованной ладони солдата, Фань Ло тихо спросил:

— Не плачешь?

— Не плачу, — обреченно выдохнул тот. — Генерал, что вы заладили: плачь да плачь? Если вам так охота на слезы посмотреть, идите к военному советнику Фану.

—...

— Кстати, генерал. Военный советник Фан всегда мне говорит, что вы к нему со всей душой, хвалите часто. Что же вы ему тогда сказали?

Ли Цюаню и впрямь было любопытно: как это его суровый командир умеет утешать людей?

Фань Ло чуть склонил голову, припоминая. Парень заворуженно уставился на его точеный, точно из нефрита, профиль, едва не пустив слюну.

— «Полезный», — проронил Маркиз, усмиряющий дальние земли.

— Что?

— Фан Уби — полезный человек. — Наконец из генерала вышла целая фраза.

— Э-э... Вот как? — Ли Цюань закатил глаза, чувствуя, как силы покидают его. — И почему же? Неужто он тогда что-то выдающееся совершил?

Генерал серьезно посмотрел на солдата и выдал истинную причину:

— Сын военного министра.

—... Генерал, — осторожно начал Ли Цюань. — Вы сказали, что он полезен, только потому, что его отец — министр?

Фань Ло подтвердил это коротким кивком.

Ли Цюаню захотелось плакать от смеха.

— Генерал, умоляю, никогда не говорите этого при господине Фане! Вспылит же... И вообще, вам лучше никого не пытаться утешать...

Фань Ло лишь недоуменно приподнял бровь, а Ли Цюань, вновь ослепленный этой холодной красотой, замер на его коленях, забыв о боли в зад и лишь судорожно сглатывая слюну.

***

Три дня пролетели как один миг.

Минувшей ночью Ли Цюань взял «Лук Небесного Волка», прихватил моток крепкой веревки и, предупредив генерала с помощниками, первым отправился к Ущелью Зелёных гор.

Название сулило густую зелень и тенистые дебри. Когда Ли Цюань прибыл на место, еще царил предрассветный сумрак, и горы казались мрачной, давящей громадой.

Взобравшись на вершину утеса, он бросил вниз камень, проверяя обстановку, выбрал дерево покрепче, обвязал ствол и ловко заскользил вниз по веревке.

Вообще-то, на такое дело полагалось идти вдвоем, чтобы напарник прикрывал спину. Но Ли Цюань в последнее время либо пропадал в шатре Маркиза, либо до изнеможения практиковался в стрельбе, всячески избегая десятника Чжао.

Ян Цзо тоже не проронил ни слова, так что Ли Цюань со спокойной совестью явился сюда один.

Добравшись до выступа, скрытого густыми зарослями, он расчистил место, срубив мешающие лианы, и при лунном свете оглядел долину. Позиция, отмеченная Яном на карте, просматривалась идеально.

Ли Цюань с облегчением выдохнул. Прижав к себе «Тяньлан-гун» и единственную длинную стрелу, он прислонился к скале и забылся тревожным сном. У него был лишь один шанс. Победа или крах — всё решит эта единственная стрела.

От ночной росы пробирал холод. Ли Цюань вздрогнул, чутко шевеля ушами: издали донесся четкий перестук копыт. Судя по направлению — со стороны Западных варваров.

Парень открыл глаза. Десятки гнедых коней несли на себе всадников в красных доспехах. Возглавлял их воин в серебряной кольчуге с длинным султаном на шлеме. В руках он сжимал тяжелый Длинный меч ущербной луны. От фигуры веяло такой жаждой крови, что сомнений не оставалось: это и есть полководец варваров.

Пока он размышлял, с другой стороны тоже послышался топот, но неторопливый, словно всадник вышел на прогулку. Ли Цюань обернулся, и у него едва не потекла слюна.

Его прекрасный генерал, Фань Ло, был в полном боевом облачении. Под ним гарцевал конь Уюнь Тасюэ, в правой руке покоилось копьё «Чёрный Водяной Дракон», острие которого с красной кистью смотрело в землю. Позади него медленно вставало багряное солнце. В этом пламени Маркиз, усмиряющий дальние земли, казался сошедшим с полотна небожителем: его взгляд был полон холодной ясности, черты лица были безупречны, а на лбу алел родовой знак.

Длинные черные волосы ниспадали на спину, небрежно перехваченные полоской синей ткани — Ли Цюань узнал обрывок своего старого мундира, которым сам когда-то повязал волосы генералу.

При этом воспоминании щеки парня вспыхнули. Он смотрел, как Маркиз неспешно проезжает мимо его укрытия. Когда конь, словно почуяв неладное, внезапно прянул, генерал вскинул голову, будто вглядываясь в небо. Но Ли Цюань знал: он смотрит точно на него.

Ли Цюань невольно восхитился: красота — страшная сила! Облик генерала, подобный морозному инею, одной своей аурой осадил ярость варварского войска.

Военачальник Западных варваров, видимо, уязвленный, сорвал с пояса меч, с силой швырнул его на землю и разразился площадной бранью. Лицо его перекошилось от гнева.

Ли Цюань был слишком далеко, чтобы разобрать слова, но лицо варвара показалось ему странно знакомым.

Генерал Фань, как и следовало ожидать, остался невозмутим. Вперед выехал Ян Цзо, бросил пару фраз, от которых полководец Западных варваров окончательно взбесился. Заревев, он вскинул свой Длинный меч ущербной луны и пустил коня в галоп.

Маркиз, усмиряющий дальние земли, пришпорил коня, идя на перехват.

Раздался оглушительный лязг — даже Ли Цюань на своем утесе ощутил вибрацию. Длинный меч ущербной луны обрушился сверху страшным рубящим ударом. Фань Ло едва заметно качнулся в седле, принимая удар на древко копья и используя его силу, чтобы отвести клинок

в сторону. Резкий поворот кисти — и стофунтовое копьё, обратившись черным драконом, метнулось к лицу врага.

Но и варвар был не промах. Он откинулся в седле, словно птица в полете, уходя от жала, и тут же наотмашь рубанул в горизонтальном замахе.

Сошлись двое: грация и мощь, дракон и феникс.

Скрытый в зарослях солдат внимательно следил за схваткой, ладони его вспотели. И Ян Цзо, и воины Ди застыли в напряженном молчании, не сводя глаз с поединка.

Ли Цюань медленно поднялся. Закрыв глаза, он на миг замер, собирая волю в кулак, а затем вложил стрелу в лук.

Он натянул тетиву до предела, целясь в грудь Маркиза, усмиряющего дальние земли, Фань Ло.

<http://bllate.org/book/17414/1659684>